

«Читательский успех — подчас грозный признак. Читатель полезен для писателя не только тогда, когда он читает книгу, но и когда он отказывается ее читать. В первом случае неизвестно, хороша ли книга. Во втором — можно поздравить себя с неудачей. Именно поздравить. Нечитающий читатель учит настойчивости».

В долгой литературной жизни Вениамина Каверина, которому принадлежат эти строки, наверняка были моменты, заставлявшие его «учиться настойчивости». Но «грозный признак» читательского успеха следовал за ним неотступно прежде всего потому, что писатель всегда оставался верен себе.

САМЫЕ ЧИТАЕМЫЕ ЗА РУБЕЖОМ

ВЕНИАМИН КАВЕРИН: ЧИТАЯ КНИГУ СВОЕЙ ЖИЗНИ

О правде и гласности сейчас говорят многие и с большой легкостью. Однако истинное право говорить об этом заслужили немногие: те, кто имел мужество не отступать от этих принципов во все времена.

Поэтому заметки Вениамина Каверина, присланные в редакцию в ответ на просьбу «МН» поделить свои размышления о том, что его тревожит и радует в наши дни, мы решили дополнить ссылками на его жизненный опыт и творчество.

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

Читая книгу своей жизни, вспоминая юность, зрелые годы и, наконец, недавние, которые приходится называть, ничего не поделаешь, старостью, я думаю, что мне удалось сохранить мою нравственную позицию только потому, что у меня были живые примеры. Я не искал мужественных, благородных, упорно добивавшихся своей цели людей — они искали меня. Не знаю, чем это объяснить. Может быть, они инстинктивно чувствовали, что моя писательская жизнь всегда значила для меня попытку сделать доброе дело. Я всегда был уверен, что хороших людей больше, чем плохих, потому что иначе не могло бы существовать искусство. Вопрос, заданный некогда Пушкиным, совместны ли гений и злодейство, таил в себе бесспорный ответ: несовместны.

Эта тема антиподов — добра и насилия, гения и злодейства, едва ли не центральная в творчестве Каверина, наиболее резко обозначена в романе «Двойной портрет». Напечатанный 20 лет назад, он выражает тот вид «брожения времени», который мы сегодня называем стремлением к полной гласности, к полному знанию своего прошлого. Противоборство добра и зла в романе — не туманная аллегория, а страшная реальность конца сороковых — начала пятидесятых годов. Шекспировские страсти вокруг скромного кольчатого червя, идущего в корм осетровым рыбам, — сколок всеобщего положения в науке той поры, прежде всего биологии, торжества бездарности, занявшей пьедестал гения.

История научной фальсификации в «Двойном портрете» — это исследование не только беззакония, приспособленчества, «фантома страха», распространявшегося со скоростью

света, но и — самое главное — характеров порядочных, мужественных, тех, «кто, разделив общую судьбу, нашел в себе силы остаться самим собой». Правда, ценой этой стойкости бывала — жизнь.

ИЗМЕНИТЬСЯ ДО УЗНАВАЕМОСТИ

Сейчас в нашей стране много говорят о необходимости победы нового мышления над старым, давно потерявшим свое значение. Это не пустые слова, но они прежде всего обязывают вспомнить все периоды отечественной истории, когда новое силой здравого смысла, доброты и чести побеждало старое.

Прошлое связано с будущим неразрывными нитями. Теперь, когда все постепенно становится другим, полным здравого смысла, надо искать отправную точку в силе сознания, оставшегося в нашей истории неизгладимый след. Измениться до узнаваемости — вот задача. Вспомнить, какую роль в жизни каждого из нас сыграли лучшие произведения нашей литературы. У нас великая литература. Мы открыли литературу народов, не знавших письменности. Все хорошее, все доброе, чистое, благородное должно встать перед нами и вести нас за собой.

Я знаю, что для решения подобной грандиозной задачи нам предстоит гигантский труд. Чтобы преодолеть машинность мышления, нужны не месяцы, а годы. Мы прошли через трудные времена, когда малейшее желание уклониться от приказа, от инструкции рассматривалось как преступление. Без вины виноватые, мы почти не чувствовали себя свободными людьми, мы были почти лишены права самостоятельно мыслить. Но и машинность мышления способна трансформироваться, притвориться побежденной, и это, к сожалению, случается часто. В этой машинности мышления есть что-то роковое. Она жадно стремится подтвердить мысль Пушкина: «Мы ленивы и нелюбопытны». Надо приложить все душевные силы, чтобы сломить эту мысль, как бы ни было трудно.

Жизнь идет вперед, остановить прогресс невозможно. В общественной атмосфере, в литературе и живописи, в музыке и архитектуре мы должны избавиться от дурхоты, от изношенных слов, от всего, что стоит поперек

дороги. Надо, чтобы знаменитое выражение «слово есть дело» наконец воплотилось в жизнь.

Конечно, мы не гарантированы от ошибок, от ложных поворотов во имя славы или самолюбия, но ошибок будет меньше, если размышляющих и мужественных людей будет больше. Воля, энергия и требовательность к себе не могут перейти на более высокую ступень развития, если они не основаны на нравственном сознании, то есть на правде, законности и чести.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Собирательный герой каверинских книг — интеллигенция. Не только по профессии (ученые, художники, писатели), но по складу характера, мировосприятию. Художница Лиза Тураева в романе «Перед зеркалом» и безвинно осужденный командир подводной лодки Вережкин в повести «Семь пар нечистых» — люди, что называется, одной крови, одного духа, способные противостоять любым невзгодам.

Плод писательской фантазии, лишенной земных корней? Но вот в книге Каверина «Вечерний день» («Письма. Встречи. Портреты»), опубликованной в 1982 году, перед нами живой чередой проходят реальные лица — Михаил Зощенко, Константин Паустовский, Николай Заболоцкий, Михаил Булгаков, Всеволод Мейерхольд, Даниил Хармс, Евгений Шварц... На долю многих из них выпала горькая, часто трагическая судьба. Каким надо было обладать запасом прочности, подлинной интеллигентности, чтобы не сломиться перед клеветой, равнодушием, санкционированным сверху забвением и хранить верность своему призванию!

Нелишне добавить, что Каверин оставался с ними в самые тяжелые времена, что еще в 1954 году с трибуны писательского съезда он вывел из небытия имя Булгакова, заявив при этом: «Я вижу литературу, в которой приклеивание ярлыков считается позором и преследуется в уголовном порядке».

Интеллигенция не есть процесс, создающийся приказом. Создание интеллигенции — не количественный вопрос. Интеллигенция кристаллизуется. Она имеет способность одновременно отпочковываться и вместе с тем обладает необычайной, увлекательной, в иные времена могущественной силой притя-

жения. Сейчас у нас как раз идет этот процесс. Его можно было бы назвать процессом более интенсивного, проснувшегося интереса к жизни, а стало быть, к делу, которым занимается человек. Самое страшное явление, с которым почти невозможно бороться — равнодушие.

ГЛАСНОСТЬ — НЕ СЛОВО, А ДЕЙСТВО

Наши времена можно назвать «временами гласности и инициативы». Но оба понятия в нашей жизни все еще лишены бесценного свойства безусловной свободы. Гласность должна не провозглашаться, а происходить. Это не слово, а действие. Но действие не может быть с пользой для государства, если оно происходит с оглядкой на других, и главным образом на начальство. Для руководителей гласность в большей мере слова, чем дело. Они не строят корабли, не выращивают хлеб. Дело они не делают, они на него только смотрят.

Все еще не заполнена пропасть между приказом и пониманием его значения. Вот почему на место прежних руководителей приходят новые, душевные качества которых не измерены на весах светлого разума, мужества, инициативы. У меня перед глазами много примеров, когда место среднего руководителя занимает плохой, место более или менее образованного — тупица.

Второе отличительное, необычайно важное качество гласности — инициатива. Прежде чем назначить нового работника, надо проверить, способен ли он к инициативе, то есть к новизне, то есть умеет ли он действовать так, как ему подсказывает не дурная традиция, а светлый разум. Вот почему дело идет медленно. Аппарат обновляется неравномерно. Там, где решительный сторонник нового мышления пытается ввести новую мысль, он встречает старое сопротивление.

Я писал когда-то, что у нас нет традиции. Я ошибался. Традиции есть. Но сосредоточены они не в надежде на новизну, не на взгляде в будущее, а в попытках ускользнуть от всего, что стало второй натурой.

И еще одно. Игра в новизну. Всем известен могущественный смысл слова. Им пользуются для прямо противоположных целей. Для того чтобы принять новое и попытаться ввести его в жизненный обиход, надо смотреть на него как на орудие, а многие видят в нем маску. Это широко распространено, потому что это проще, чем менять привычки, отвыкнуть от лжи и, наконец, взяться за работу. Все это кажется не новогонимой мыслью. Пить нельзя, но все-таки надо символически выпить за мужество, без которого мы не сможем восстановить честь, за жизнь, которая не может не измениться, потому что мы властвуем над ней.

...Однажды на телевизионной встрече в Останкине Каверина спросили: можно ли с помощью искусства перестроить мир? Он сказал: нет, но невозможно перестроить его без помощи искусства.

В сегодняшней перестройке мира нам трудно обойтись без каверинского романтизма, без его благородных и бескорыстных героев, сопровождающих нас со школьной скамьи. Идея романтизма не умерла! — убежден писатель. Она продолжает жить.

И «старомодная» романтика Вениамина Каверина, соединяющая интеллект, бесстрашие и любовь, оказывается на удивление современной, помогая отыскать в сердце «то самое светлое, что давно потеряно в шуме времени, в сутолоке ежедневных забот».

Ольга МАРТЫНЕНКО.